

УДК 821.161

Гомон Андрей Михайлович*кандидат филологических наук,**доцент кафедры украинского, русского языков и прикладной лингвистики**Национальный технический университет**«Харьковский политехнический институт»***Gomon Andrey***PhD of Philology, Associate Professor of the Department of**Ukrainian, Russian Languages and Applied Linguistics**National Technical University «Kharkiv Polytechnic Institute»***ТЕМА «МАЛЕНЬКОГО ЧЕЛОВЕКА»
В РАННЕМ ТВОРЧЕСТВЕ ЛЕОНИДА АНДРЕЕВА****TOPIC «LITTLE MAN» IN THE EARLY WORKS
OF LEONID ANDREYEV**

Аннотация. В статье впервые осуществлен анализ наиболее репрезентативных образцов ранней прозы Л. Н. Андреева, новаторски продолжающих и развивающих традиции русской классической литературы в изображении «маленького человека».

Ключевые слова: «маленький человек», ирония, трагическая ирония, «сверхчеловек», «черный юмор», анекдот.

Summary. The article analyzes for the first time the most representative examples of early prose by L. N. Andreyev, innovatively continuing and developing the traditions of Russian classical literature in the image of a «little man».

Key words: «Little man», irony, tragic irony, «superman», «black humor», a joke.

Несмотря на то, что с середины прошлого века Андрееведение развивается бурными темпами, многие грани творчества Леонида Николаевича Андреева, одного из «властителей дум» Серебряного века, по-прежнему остаются «в тени». Можно без преувеличения сказать, что и сегодня, во многом, «Андреев — огромный, еще не раскрытый писатель» (А. Белый).

Это в достаточной мере можно отнести и к изучению литературного влияния произведений Н. Гоголя, Ф. Достоевского с их ведущей темой «маленького человека», а также их творческого восприятия Л. Андреевым. Несмотря на существующие исследования И. Московкиной [1], В. Шахова [2], В. Шакурова [3], В. Беззубова [4], остаются не до конца проясненными как особенности оригинальной поэтики ранней прозы писателя, тяготевшего к анекдоту, иронии, «черному юмору», так и уточнение специфики художественного воплощения, степени новаторства и трансформации темы «маленького человека» у Л. Андреева. Все это является целью и задачами нашей статьи.

Тему «маленького человека», которому «стала наскучивать жизнь, однообразная и точная, как часы с недельным заводом» [5, с. 22], начинает незаконченная новелла «Путешественник», впервые

опубликованная в московском журнале «Народное благо» (1901, № 1) и оставшаяся совершенно не известной широкому кругу читателей, критиков и литературоведов.

На страницах этого журнала в 1902-м году были перепечатаны новеллы Андреева «Баргамот и Гараська», «Пасхальный гостинец» (другие названия — «Гостинец», «Смерть Сенисты»); в 1903-м году — очерк «Волга и Кама». Новелла осталась незавершенной, так как в ближайшем номере «Народного блага» предполагалась публикация ее продолжения, которой, однако, не последовало. «Путешественник» — одно из немногих произведений Андреева, никогда ранее не переиздававшееся, и только в 1989-м году оно было републиковано А. Рудневым [5].

Герой новеллы, Матвей Иванович Сазонов, скрипач большого оперного театра, подводя итоги своей жизни, прошедшей «весело и незаметно», неожиданно для себя осознает, что «судьба зло подшутила над ним, сделав его второй скрипкой, тогда как природа предназначала его к роли Стэнли или какого-нибудь другого знаменитого исследователя чужих стран» [5, с. 22].

О своем неудачном побеге с товарищем в Северную Америку, на озеро Онтарио («Хорошие были времена...»), герой рассказывает в пивной по

многочисленным просьбам коллег-музыкантов. «И хотя рассказ был смешной, но всем становилось грустно <...>

— Да, хорошие были времена, — долго повторяли слушатели, забывая, что они хотели лишь посмеяться над Матвеем Ивановичем» [5, с. 22].

Получив в гимназии кличку «Путешественник», герой на склоне лет с удивлением замечает, что, «чем тусклее, неприятнее становилась жизнь, тем ярче вставал в памяти ничтожный эпизод далекого детства и приобретал громадное, несвойственное ему значение». «А почему и не Путешественник? — думал Матвей Иванович <...> Нет, поеду я путешествовать. Бог свят, поеду! <...> В Америку, не в Америку...а поеду!» [5, с. 22].

Но оказалось, что он смертельно болен и, не говоря об этом пациенту («Опасного нет ничего. Вашего здоровья на две жизни хватит»), доктор рекомендует, словно угадывая желание больного: «Промяться Вам следует. Прокатитесь куда-нибудь. На Кавказ или в Крым» [5, с. 22]. В таком контексте намерение героя «поехать в Америку» приобретает «черную» окраску и звучит по-свидригайловски трагически-двусмысленно (ср. финал «Сашки Жегулева» (1911)). «Уехать в Америку» (частый мотив у Достоевского) — значило покончить с собой («Преступление и наказание»), либо спастись от преследования властей («Бесы», «Братья Карамазовы»).

Трагической иронией окрашен и финал новеллы, — реквием героя самому себе: «По возвращении домой <...> Матвей Иванович достал из футляра скрипку и сыграл ту самую арию solo, за которую получил венок. Играл он так хорошо, как никогда, и, играя, вспоминал жену, и свои успехи, и свою молодость, и ему казалось, что теперь он еще раз и уже навсегда прощается с этим» [5, с. 22].

Попытка преодоления нивелированной личностью своей усредненности и противостояния судьбе в духе учения Ф. Ницше, художественно воссоздана и иронически осмыслена в новелле «Оригинальный человек» (1902). В основе новеллы лежит анекдот: обычный, ничем не примечательный «маленький человек», мелкий чиновник Семен Васильевич Котельников вдруг заявляет: «А я люблю негритянок!» [6, с. 421], сразу же обращая на себя внимание сослуживцев.

Наделяя своего героя (новоиспеченного «сверхчеловека») карикатурными чертами («дробное личико с рыжими усиками», «бесцветные маленькие глазки и тщательно причесанная головка» Семена Васильевича; «и голос у него был <...> тихонький <...> хохотал тихоньким и дробным, как сухой горох, смешком» [6, с. 421–422]), повествователь воплощает идею «сверхчеловека» в анекдотической ситуации, постепенно получающей трагико-ироническое звучание.

Современная жизнь, по Андрееву, способствует глубокому разладу личности, она не оставляет человеку никаких надежд, сводя все его устремления к комедианству, к смешной и нелепой претензии на любое величие. И в этом, следуя за Ницше, Андреев видит трагическую иронию существования современного человека. Сюжет «Оригинального человека» строится на разворачивании злополучной реплики героя. Прослав «оригинальным человеком» из-за одной своей неосторожной фразы, Котельников всячески поддерживает свой «имидж» и, в конце концов, вынужден жениться на негритянке мисс Коррайт, несмотря на внутреннее неприятие и отвращение.

Таким образом, по Андрееву, ситуация, в которой оказывается его герой, становится «драмой души»: «большой оригинал» надевает маску «сверхчеловека», скрывающую внутреннее страдание. Герой вынужден играть самому себе навязанную роль неординарной личности до самой смерти: «Последним усилием он придал своему костеневшему лицу подобие счастливой улыбки и с ней на устах скончался» [6, с. 429].

В итоге попытка преодолеть свою безликость с помощью «волевого» заявления выливается не в действительное преодоление, а в трагикомическую игру, мнимое преодоление. Трагическая ирония Андреева приобретает оттенок сарказма. В своих притязаниях на значительность новоявленный «сверхчеловек», сам того не осознавая, становится шутком. У него не хватает силы воли освободиться, сбросить маску даже перед смертью: «...собрал остатки сил и широко раскрыл рот, чтобы закричать:

— «Ненавижу этого черномазого дьявола!», но ... тихо сказал:

— Я, батюшка, очень люблю негритянок. В них есть нечто экзотическое» [6, с. 428].

Своей новеллой-анекдотом «Оригинальный человек» Андреев одним из первых в начале XX века обратил внимание на историческую исчерпанность образа «маленького человека». В обычном человеке Новейшего времени уже нет и не может быть ничего интересного. «Маленький человек» из объекта сострадания трансформируется у Андреева в объект насмешки, так как он не достоин ни жалости, ни удивления (ср.: «Маленький человек» (1907) Ф. Сологуба).

Таким образом, Андреев в своей ранней прозе не только продолжал и развивал традиции великих предшественников русской классической литературы, но и новаторски предвосхитил некоторые характерные тенденции искусства нового, XX века. Это подтверждает актуальность дальнейшего изучения специфики художественного мира Леонида Андреева, а также его влияния на литературный процесс XX столетия.

Литература

1. Московкина И. И. Между «pro» и «contra»: координаты художественного мира Леонида Андреева: монография. Х.: ХНУ им. В. А. Каразина, 2005. 288 с.
2. Шахов В. В. Ранний Л. Андреев и традиции демократической литературы XIX века / Андреевский сборник: исследования и материалы. Курск, 1975. С. 27–43.
3. Шакуров В. А. Ранние рассказы Леонида Андреева: к постановке вопроса об эволюции творческого метода писателя / Проблемы романтизма в художественной литературе и критике. Казань, 1976. С. 29–48.
4. Беззубов В. И. Леонид Андреев и традиции русского реализма. Таллин: Ээсти раамат, 1984. 336 с.
5. Андреев Л. Н. Путешественник / публ. А. П. Руднева. Литературная Россия, 1989. № 46. 17 ноября. С. 22.
6. Андреев Л. Н. Собрание сочинений: в 6-ти т. М.: Худож. лит., 1990. Т. 1. 639 с.